

ВАЛЕРИЯ ВЕРБИНИНА

Чародейка
из страны
бурь

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Груздева*

Вербинина, Валерия.
В31 Чародейка из страны бурь : [роман] / Валерия
Вербинина. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. —
(Парижский след. Лучшие детективы).

ISBN 978-5-04-099204-1

Инспектор полиции Антуан Молине приехал отдохнуть в свой родной городок во время весьма драматичных событий: жестокий убийца, лишивший жизни нескольких женщин, сбежал прямо перед казнью на гильотине! Вся округа замерла в ужасе, люди боялись выходить из домов, и инспектор понял — он не сможет оставаться в стороне. Тем более поимкой преступника занимался его друг детства, комиссар Кервелла... Несмотря на все усилия, обнаружить маньяка никак не удавалось, и Антуан решил навестить одинокий дом на острове Дьявола — недавно там поселилась странная семья: муж и его сумасшедшая жена... Дом на острове, где стоял лишь заброшенный маяк, не вызвал у инспектора подозрений. Лишь запала ему в душу прекрасная женщина с необычными золотистыми глазами, увы, лишившаяся рассудка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2019
© Оформление.
ISBN 978-5-04-099204-1 ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

«Поскорее бы все это кончилось».

Узник лежал, скорчившись под тощим тюремным одеялом. Взгляд терялся в полумраке камеры. Единственное окно слишком высоко, и даже днем из него были видны только ветви дерева, растущего снаружи.

«Как медленно тянется время... А что, если бы оно остановилось? Насовсем. Или повернулось вспять. Да, мне бы вернуться в тот день, когда... Когда я еще мог убежать. Скрыться... Ведь я сразу же почувствовал, что что-то не так, едва увидел того полицейского...»

Из коридора донесся стук башмаков охранника, подкованных железом. Узник на кровати дернулся, закусил ноготь большого пальца. Глаза его лихорадочно блеснули.

«И не надоело ему там ходить? Сколько сейчас — час? Два ночи?»

Ветер завыл, засвистел за окном, затряс ветви дерева, и тут же человека, терзаемого бессонницей, поразила другая мысль:

«Завтра в это время меня уже не будет... Все останется — и ветер, и небо, и дерево за окном моей камеры... А меня больше не будет. Отчего? За что?»

🐾 Валерия Вербинина 🐾

Он мысленным взором увидел себя, лежащего в деревянном ящике с отрубленной головой, неумело представленной к телу; увидел даже следы запекшейся крови там, куда упадет нож гильотины. Видение было таким отчетливым и таким неприятным, что он в приливе паники даже ощупал свою шею, проверяя, на месте ли его голова.

«А ведь президент мог меня помиловать... но не сделал этого. И теперь я умру. Умру, умру, я умру... О боже мой...»

Узник заворочался на кровати, сбросил одеяло, которое душило его, потом, почувствовав холод, снова накрылся. Он был уверен, что уже не уснет, ни за что, никогда не уснет, но, едва закрыв глаза, и сам не заметил, как провалился в тяжелое забытие.

Его разбудил надзиратель, добродушный толстяк с рыжеватыми усами:

— Поднимайтесь, Варен... Время пришло.

Узник смотрел на него, спросонья ничего не понимая, но затем внезапно вспомнил все, и его губы задрожали. Он сделал над собой усилие, чтобы сглотнуть застрявший в горле ком, но тот никуда не собирался деваться.

— Уже? — давясь этим комом, прошептал человек, осужденный на смерть.

Он с ужасом вдруг почувствовал, что вот-вот сейчас разрыдается, но какие-то ошметки гордости, самолюбия или упрямства — те, которые застревают в сите человеческой души и остаются там до самого конца, несмотря ни на что, — взбунтовались и вынудили предательские слезы отступить.

— Приведите себя в порядок, — сказал надзиратель. Он смущался, потому что раньше ему не приходилось иметь дело с осужденными на смерть, оттого голос его

☞ Чародейка из страны бурь ☞

звучал нарочито бодро и неприятно резал слух своей фальшью. — Сейчас принесут завтрак. Можете поесть, если хотите. Священник уже здесь, он будет сопровождать вас до... Ну, сами понимаете. — Узник опустил голову, а надзиратель, машинально бросив взгляд на его затылок с неровно подстриженными темно-русыми волосами, недовольно поморщился. — До чего же скверно вас вчера обкорнали! Ровнее надо было волосы подстричь...

Узника передернуло, он бросил на собеседника взгляд, полный муки.

— Вы не подумайте ничего такого, мсье Мелинер обычно хорошо стрижет, просто вас он до ужаса боялся, — счел нужным объяснить надзиратель. — Он сам мне потом признался...

Узник вспомнил ножницы, которые вчера плясали в руках человека, который его стриг, вспомнил их твякающий лязг, и ему стало обидно, что он тогда не осуществил мысль, пришедшую ему в голову. «Я мог бы вырвать у него ножницы и воткнуть их себе в горло... Покончить с собой... Но не смог. На что я надеялся? Скоро меня выведут из камеры, проведут через двор... Гильотина, наверное, уже стоит за воротами... Сто шагов отделяют меня от смерти. Может быть, больше... Может быть, меньше, какая разница...»

Надзиратель кашлянул.

— Как насчет последнего желания, Варен? — спросил он все тем же невыносимо фальшивым, преувеличенно бодрым голосом.

Верно, у него есть право на последнее желание. Как он мог забыть?

— Я бы хотел...

🐉 Валерия Вербинина 🐉

Он запнулся. Сто шагов отделяют его от смерти — сто шагов и всего лишь несколько минут. Чего он хочет? Конечно, не умирать; но...

— Желание, разумеется, должно быть в границах разумного, — сказал надзиратель. Он ждал ответа, но осужденный молчал. — Может, вина? Или сигару?

«До чего же убогое у людей воображение... Но в самом деле, чего бы я хотел? Написать письмо... Кому? У меня никого нет. Родных не осталось, друзья — те, кого я считал друзьями, — все отвернулись от меня во время судебного процесса... У меня никого нет».

Так и не услышав ответа, надзиратель повторил свое предложение.

— Я ничего не хочу, — устало промолвил узник. Нечеловеческая опустошенность заполонила его душу, сводя на нет любое усилие, любой проблеск надежды или желания, которые еще могли приковывать его к жизни. — Какое это будет иметь значение *там*, потом... А впрочем...

Надзиратель терпеливо ждал.

— Скажите, что это за дерево? — спросил осужденный, указывая на окно, за которым виднелись ветви, качающиеся на ветру.

— Это? — изумился надзиратель. — Это вяз.

— Вяз, — вяло повторил осужденный. — А я, представьте, все время смотрел на него и думал, как он называется...

Тут надзиратель не выдержал.

— Ну что это за последнее желание — узнать, как называется дерево... Может, принести какой-нибудь еды, которую вы любите? Про вино я уже говорил...

...О том, что случилось дальше, надзиратель в тот же вечер будет рассказывать так, сидя в местном кафе:

☞ *Чародейка из страны бурь* ☞

— Предложил я ему, значит, от чистого сердца... А он усмехнулся, да так нехорошо, что я, ей-богу, весь похолодел, а ведь в тюрьме я всякого насмотрелся. Ну, думаю, не к добру это...

— Конечно, не к добру! — будут с готовностью поддакивать слушатели, потягивая пиво. — Вона ведь как все обернулось-то...

Но в шесть часов десять минут пасмурного мартовского утра события в камере смертника еще продвигались своим чередом. Осужденный привел себя в порядок, после чего принесли завтрак, к которому он едва притронулся.

— Только кофе отхлебнул из чашки, — расскажет наблюдатель своим приятелям.

Затем явился священник — молодой, недавно назначенный и крайне серьезно относившийся к своей миссии. Он не спал всю ночь, ходил по комнате и упорно, мучительно подбирал слова, которые помогут ему не оттолкнуть, а смягчить этого демона, это чудовище, исповедником которого ему предстояло стать. В том, что он имеет дело именно с чудовищем, священник не сомневался — он, как и все окружающие, знал о процессе и знал, что Фредерик Варен, двадцати четырех лет от роду, был осужден на основании чрезвычайно веских улик и показаний свидетелей, которым защита не смогла ничего противопоставить. Сегодня утром у ворот тюрьмы ему отрубят голову, а пока — что ж, пока у священника есть время, чтобы попытаться спасти душу узника и побудить его покаяться. Однако вместо слов раскаяния священник услышал совсем другие слова. Приговоренный к смерти сообщил:

— Я невиновен.

Часть I

Полицейский на краю земли

Глава I

После бури

В то утро Антуан Молине проснулся, не успев досмотреть сон, который привиделся ему незадолго до пробуждения. Это был обычный полицейский сон, в котором инспектор — совсем как наяву — преследовал очередного преступника, который убегал от него с головокружительной скоростью, так что Антуану никак не удавалось его настигнуть. Мимо проносились стены домов, оживленные парижские бульвары неожиданно сменялись узкими улочками Кемпера с их фахверковыми¹ постройками. Инспектор то летел, то оказывался верхом на лошади, а потом впереди возникла то ли река, то ли море с лодкой, покачивающейся на волнах. К тому моменту Антуан уже

---

¹ Фахверк — известный со Средневековья тип строительной конструкции, при котором несущей основой служит пространственная секция из наклонных балок. Они видны с наружной стороны дома и придают зданию характерный вид.

☞ Чародейка из страны бурь ☞

сообразил, что все происходящее — сон, не имеющий ровным счетом никакого значения. И все же, когда он пробудился, первым его ощущением было смутное неудовольствие, знакомое всякому, кто только что стряхнул с себя морок кошмара, но так и не избавился от неприятного чувства, что тот до сих пор находится где-то неподалеку и упорно пытается протянуть в реальный мир свои цепкие паучьи лапки.

«Это все из-за бури», — смутно подумал Антуан, ворочаясь с боку на бок и вспоминая шторм, который бушевал два дня с перерывами и стал стихать только вчера вечером. От подушки пахло лавандой, мешочками с которой тетя Мариэтта всегда перекладывала белье. Прислушавшись, Антуан различил, как где-то под полом шуршит мышь, пробирающаяся обратно в свою норку. Он уже знал, что сегодня больше не заснет, но в то же время ничто не побуждало его вставать с постели. Перевернувшись на спину, инспектор закинул руку за голову и стал смотреть на потемневшие балки потолка. Две недели отпуска после ранения, которое едва не стоило ему жизни, — чего бы он не отдал несколько месяцев назад за эти две недели отдыха, а сегодня, едва вспомнив, что идет только третий день отпуска, он не мог удержаться от вздоха разочарования. И дело было вовсе не в тетке, молчаливой хлопотунье, и не в ее доме, стоящем недалеко от продуваемого ветрами бретонского берега, дело было в нем, Антуане Молине. Бездействие тяготило его, будь это даже бездействие заслуженное, передышка после нелегкой работы в парижской полиции.

«Вчера старуха Соланж сказала Мариэтте: «Ваш-то выглядит как настоящий парижанин...» Наверное, в чем-

то она права. Большие города — совсем не то, что маленькие, я уж не говорю об этой деревеньке... После Парижа все не то. И чем же мне тут заняться? Только спать да есть. Когда штормит, даже рыбу удить невозможно. Хорошо хоть Кервелла написал из Кемпера, приглашает меня к себе в гости послезавтра, в воскресенье. Забавно, как сложилась жизнь: мы оба стали полицейскими, я инспектор в Париже, а его в Кемпере повысили до комиссара, после того громкого дела. Интересно, он не собирается перебраться в столицу? Хотя он всегда говорил, его больше привлекает размеренная провинциальная жизнь... В Париже, мол, беспокойно, любой мерзавец может тебя прихлопнуть ни за что... Как оно едва не случилось со мной».

Поморщившись при одном воспоминании об этом, Антуан засунул ладонь под пижаму и потрогал шрам возле сердца — след от раны, едва не ставшей смертельной. Ему до сих пор казалось странным, что шрам этот останется с ним до конца его дней, никуда не исчезнет, что бы он ни делал, и в гробу они тоже окажутся вдвоем рядом. Тут же мелькнула глупейшая, в сущности, мысль, что Жерар Кервелла, друг его детства, нипочем бы не совершил такой ошибки. О, Жерар всегда отлично умел устраиваться — и женился выгодно, и работу себе подобрал такую, чтобы опасности обходили его стороной, и отличился именно тогда, когда было нужно. Хитрец, с какой стороны ни взгляни, а для большинства наверняка — пример для подражания.

«Черт возьми, уж не завидую ли я ему?»

Но Антуан не успел ответить на этот вопрос, потому что расслышал осторожные шаги тетки в коридоре, покашливание горничной Сюзанны где-то в глубине дома

☞ Чародейка из страны бурь ☞

и понял, что день вступает в свои права. Еще не хватало, чтобы его сочли неженкой, который валяется в постели до девяти утра. Поэтому он был на ногах уже за секунду до того, как тетка постучала в дверь.

— Доброе утро, Антуан... Завтрак будет через четверть часа.

Она говорила глуховатым голосом, роняя отрывистые фразы. Волосы, брови и ресницы у нее были одного оттенка — белесого, и даже седина отступала, теряясь на их фоне. Антуан, тот, напротив, пошел в отца-южанина: черные как вороново крыло волосы, черные, глубоко посаженные глаза и черные же, низко нависшие прямые брови. Он нравился женщинам, но предпочитал одиночество; серьезные отношения его тяготили, к тому же из-за своей работы он знал о людях слишком много, он инстинктивно привык никому не доверять и никого не пускать в свою жизнь. На тетку, которая его обожала и возилась с ним, еще когда он был маленьким мальчиком, это, само собой, не распространялось. В сущности, для Антуана, давно потерявшего родителей, она оставалась единственным близким человеком.

— Как там погода? — спросил он. — Надеюсь, ваших кур ветром не унесло?

Но тетка, словно не заметив попытки пошутить, серьезно ответила, что все в порядке, шторм угомонился, а что до кур, то ни одна из них не пострадала.

— А вот у старика Шовеля вчера разбило лодку, — добавила она. — Зря он вздумал в такой ветрище в море выходить. Хорошо еще, что он с сыновьями кое-как дотянул до берега. А то запросто могли бы утонуть.

Пришла Сюзанна, которая принесла воду для умы-

вания, и Мариэтта, окинув служанку строгим взглядом, удалилась. Взгляд не относился к какому-то конкретному проступку горничной в прошлом; это был, так сказать, привычный для тетки взгляд, который словно говорил: «Веди себя хорошо, не отлынивай от работы и не позволяй себе ничего лишнего, потому что я не собираюсь выпускать тебя из виду». Однако по взорам, которые маленькая востроногая Сюзанна украдкой бросала на Антуана, было ясно, что внушения хозяйки имели над горничной власть только отчасти. Молине усмехнулся про себя. Он умылся и привел себя в порядок, а Сюзанна то держала кувшин с водой, то ходила по комнате, отдергивая занавески и прибираясь, и несколько раз задела Антуана своим платьем, как бы не нарочно, но все же с вполне определенным намеком. «Вот чертовка, — весело подумал он, — как будто она не понимает, что Мариэтта сразу же выгонит ее, если что узнает...»

Он спустился вниз и сразу же отметил, как ярко горит огонь в камине — тетка, конечно же, велела зажечь его только ради Антуана; будь дома лишь она и слуги, она бы и не подумала этого делать. Стены столовой были голые, мебель — крепкая, бретонская, имеющая обыкновение переживать несколько поколений своих хозяев. Если бы не скатерть на столе и не вышитые салфеточки, заботливо разостланные повсюду, обстановка казалась бы совсем мрачной. Фотографии своего мужа Мариэтта держала в соседней гостиной и то ли случайно, то ли с умыслом задвинула их в самый дальний угол. Антуан никогда не спрашивал ее о том, был ли ее брак счастливым, как не спрашивал и о том, был ли в нем вообще хоть какой-то смысл, кроме того, что его обожаемая тетя стала носить

☞ Чародейка из страны бурь ☞

обручальное кольцо и фамилию «Ле Таллек», похоронила двух детей, умерших в младенчестве, а потом овдовела и осталась жить в доме супруга, который получила в наследство. Сейчас Мариэтте шел пятьдесят третий год, но ее серые пронизательные глаза видели так же ясно, как и в юности. Она держала большое хозяйство, а кроме того, занималась садом, в котором росли яблони — все как на подбор крепенькие и коренастые, похожие на нее саму. Она знала все обо всех соседях, ни с кем особенно не дружила, много лет подряд выписывала одну и ту же газету — ту, которую привык читать ее муж, и не пропускала ни одной воскресной мессы в местной церкви. Выходя на улицу, она, как и большинство женщин здесь, надевала бретонский чепец, который придает местным уроженкам столь живописный вид. Романист XIX века, скорее всего, счел бы ее скучной и узколобой, а романист века XX даже не стал бы тратить на нее свое драгоценное время. Она не отличалась излишней разговорчивостью и только ради племянника, который навещался к ней нечасто, делала над собой усилие. Вот и теперь, поедая завтрак, а кормили у тети Мариэтты чертовски хорошо, Антуан узнал о том, что яйца подорожали, что рыбак Журдан бросил жену и ушел к другой и что на острове Дьявола кто-то поселился.

— Да ну? — усомнился Антуан. — Там же никого нет, кроме чаек. Несколько старых домов и полуразрушенный маяк — кто же станет там жить?

Островом Дьявола местные жители окрестили один из прибрежных островков, который в официальных картах имел вполне благозвучное название — которое, однако, рыбаки упорно игнорировали. Сам остров имел крайне дурную славу из-за того, что возле него часто происходили